

М. ЕМЦЕВ, Е. ПАРНОВ

ТРИ КВАРКА

Научно-фантастический рассказ

Рисунок Н. ФИЛИПОВА

Многие считают эту историю невероятной. Даже мне самому порой кажется, что я сделался жертвой чудовищной галлюцинации, вызванной глубинным опьянением. Если прошлое не оставляет ощутимых следов, то не уподобляется ли оно сну? Сон тоже объективная реальность. С той лишь разницей, что события, участниками которых нас делает ночь, нигде не происходят.

Чем больше я думаю о той встрече в водах Багамского архипелага, тем чаще ловлю себя на том, что фантазия подменяет реальность. Правда, всего лишь в деталях. Время всегда что-то стирает. И неуловимо для себя мы выполняем растворившиеся в памяти факты яркими вымыслами.

Я рассказывал о своих приключениях друзьям, пробовал советоваться со специалистами. И каждый раз, когда замечал, что мне изменяет память — конечно, в мелочах, — меня с новой силой охватывало сомнение. Очевидно, мои собеседники чувствовали его. Им очень хотелось поверить мне, но все вставало против этого. И прежде всего мое собственное сомнение.

Вот почему, перед тем как решиться на новое повествование, я должен преодолеть внутреннее сопротивление. Это как прыжок в холодную воду, когда не очень хочешь купаться. Нужно либо одеться и уйти, либо сразу же броситься в тающую вокруг твоих ног неприветливую волну.

...Наш «Звездочет» — маленькое океанологическое судно с вымпелом Академии наук СССР — лег в дрейф в виду заброшенного острова Инагуа. В глубине острова было озеро, на котором гнездились фламинго. По вечерам они проносились над морем, и в золотой зеркальной воде отражался неровный пламенеющий клин. Тишина вокруг стояла такая, что сердце щемило. Тишина и красота. Когда солнце, как убегающий спрут, закатывалось за горизонт и выбрасывало чернила, море загоралось холодным и ровным светом. Бешеными всплесками огня вырывались в воздух летучие рыбы. Живые кометы с шлейфом бело-голубых брызг.

Мы называли себя великолепной семеркой. И не без некоторого основания. За четыре месяца плавания мы крепко подружились. Кроме того, нас действительно было семеро: капитан Женя, штурман и радист Модест Николаевич, механик Витя, моторист Алексей, гидробиолог Павел Константинович Танесберг, биофизик Ольга и я — начальник экспедиции.

Мы должны были собрать коллекции океанической фауны для музея и исследовать влияние изотопного состава вод на метаболизм животных. Последняя задача возлагалась на меня. Поскольку воды Багамского архипелага сильно обогащены дейтерием, я надеялся получить новые, интересные для меня данные. Впрочем, проблема эта узкоспециальная и никакого отношения к дальнейшему повествованию не имеет.

За восемь рабочих дней подводной охоты мы собрали довольно богатый урожай: несколько замечательных мурун самого отвратительного вида, четыре типа губок, любопытного мутанта краба-грапсуса, множество груперов, ярчайших морских попугаев, сержант-майоров и бо-грегори. К сожалению, в формалине их радужные краски быстро поблекли. Моллюсков в нашей коллекции были представлены коническими диодорами, грунтовыми соленами, хитонами из класса *Zoricata*, которые, подобно амазонским броненосцам, могут сворачиваться в клубок, и мидиями. Их мы, кстати, ежедневно поедали в сыром виде. Вообще прелесть подводной охоты особенно остро ощущается за столом. Поджаренные в кипящем масле губаны, жирные барабульки, наконец, предмет вожделения всех американских рыболовов — тарпон. Эта стокилограммовая рыба с уродливой бульдожьей мордой знаменита своими виртуозными прыжками. Попавшись на крючок, она выскакивает из воды вертикально вверх на высоту в пять-шесть метров. Гулко плюхнувшись в воду, опять совершает

чудовищный прыжок, проносясь над медленно вращающимся гребнем нашего радара. Я подранил одного тарпона из подводного ружья. В смертельном прыжке рыба чуть не вырвала у меня из рук оружие. Она прыгала до тех пор, пока вода вокруг нас не окрасилась кровью. Потом линь ослабел, и я подтянул морского бульдога к себе.

Нередко мы уходили на погружение ночью. В этом есть особое очарование. Вблизи поверхности тела пловцов кажутся отлитыми из фосфорического стекла. Они скользят легко и бесшумно, как в пустоте, оставляя за собой нестерпимо яркий ртутный след. С глубиной сияние угасает. Тебя окружает глухая бархатная тьма. Вода настолько тепла, что ее совсем не чувствуешь. Здесь, как в космическом пространстве, все направления безразличны. Но вот вспыхивает фонарь, и тьма буквально взрывается каскадом ярчайших красок. Разноцветные кораллы и мшанки, морские анемоны и лилии, стеклянные аспидии и голубые лангусты.

Совершенно иной, непередаваемый мир. Он заставляет забыть о голубизне неба, о пронзительном запахе хвои, об изменчивых красках восходов.

Моряки и поэты столетиями прославляли красоту океана. Но только теперь, когда человек погрузился в него, мы начинаем смутно понимать, что подлинная красота скрыта в глубине. Она лишь отдаленно мерещится нам.

Далекая, забытая родина. Когда-то мы вышли из океана. Наша соленая кровь лишь память о доисторических водах, свободно циркулировавших сквозь тела далеких неведомых предков.

Мы носим в жилах океан,
Соль первых дней творенья носим...
И этих жил мы ловим просинь
На милом трепетном виске.
Ах, волосы твои как осень...

Ее волосы растекались в водных струях, подобно водорослям. Танесберг погрузился тогда вдвоем с Ольгой. Они ловко и быстро ушли на глубину. Я хорошо видел это сверху, так как страховал их. Никелированными шариками из-под загубников аквалангов вырывались пузырьки. Качающимися вертикалями уходили на поверхность.

Я любил ее, она любила его, а он любил свою жену, которая не очень ждала его в родном Таллине.

Конечно, я и подумать не мог тогда, что вижу ее в последний раз... Голубую, стремительную, с развевающимися водорослями волос (она никогда не надевала резиновую шапочку). Иногда мне кажется, что я предчувствовал в те минуты скорую и неизбежную утрату. Но это не так. Я слишком был полон ею. Тревога и утрата были во мне постоянно. Иллюзия предчувствия появилась потом, когда Ольги не стало и прошло слишком много времени, чтобы можно было точно припомнить, как все случилось.

Нет, ничего не предвещало тогда трагедии. Трехметровая песчаная акула боялась подойти близко. Она медленно ходила по широкому кругу, опускалась на дно, вздымая быстро

успокаивающиеся вихри пелагиали. Я все время держал ее на прицеле. Мое ружье было заряжено взрывным баллончиком паралитического действия. Пока акула плавала в одиночестве, опасаться не приходилось.

Они скользили над самым коралловым рифом. Мохнатые водоросли находились в непрерывном движении. Попугаи и спинороги выныривали из колышущихся чащ, кружились вокруг розовых анемонов. Световые блики вспыхивали и пропадали, и только синяя туманная бездна выглядела безжизненной и одноликой в этом постоянно изменяющемся мире.

...Я не знаю, как это началось. Так животные, наверное, заранее чувствуют приближение землетрясения. Тишина и спокойствие. Только кричат и носятся над землей птицы, жалобно воют собаки и тихие мыши спешат скорее покинуть обреченные дома.

Откуда-то из глубины высыпала стая луфарей, остроклювые серебряные сарганы с колоссальной скоростью пронесли мимо меня, точно вылетели из минометов. Куда-то запропастилась песчаная хищница. Я не видел никакой опасности и ничего не понимал. А те двое внизу подо мной спокойно занимались своим делом. Ольга засовывала в сетку иглокожих, ножом отдирала облепившие риф раковины. Павел Константинович деловито отбирал пробы грунта, ловил маркизовым сачком планктон.

Но беззвучная паника нарастала. Извиваясь, как пиявка, проплыла мурена. Зеленая черепаха пыталась зарыться в песок, разливая в кристальной воде потоки муты. Я никогда не видел столько рыб сразу. Море вокруг меня рябило.

Из глубины вырвалась огромная восьми-девятиметровая акула: темные поперечные полосы, тупое широкое рыло, маленькие туманные глазки. Это была *Stegostoma tigrinum* — самая опасная и беспощадная хищница тропических вод. Следом за ней показалась химерическая акула-молот, способная перекусить человека пополам. Это было повальное бегство, великий рыбий исход. Все свершилось в какие-то секунды. Я не успел даже крикнуть в подводный телефон, чтобы предупредить их о надвигающейся опасности. Я увидел это...

Необъятная бурая масса с тусклой синеватой оторочкой медленно, как медуза, выплывала из синих глубин. Она закрыла собой всю синеву. Я боюсь ошибиться в размерах... Может быть, километр, а может быть, много больше. Как грязный, непроницаемый туман, заволочла она все. Конца ей не было. Она лишь нерезко утонула в отдаленных мутных пространствах. Дрожащее, переливающееся какими-то пузырьками желе. Кромка его колыхалась, как крылья гигантского ската — манти. Очень медленно поднималось оно из океанской бездны. Как привидение, как воплощение немого ужаса.

Что было со мной? Я видел ясно и все сознавал, но тело мне не повиновалось. И все вокруг тоже замерло, как остановленный кадр.

Негодвижно застыла, будто вода вокруг нее обратилась в лед, *Stegostoma tigrinum*. Следом за ней оцепенела акула-молот. И бурая масса тоже вдруг остановилась, повисла над дном. И тогда точно электрическая искра ударила громадных

рыб. Они изогнулись пополам и, конвульсивно вздрагивая, начали медленно опускаться в пузырящееся желе. Они растаяли в нем, как сахар в стакане киселя.

...Секунду спустя то же случилось с моими товарищами.

А я все видел и все сознавал, но не мог даже пальцем пошевелить. Потом меня захлестнул невыразимый ужас. Передать его невозможно, даже вспомнить пережитое ощущение я не могу. Это разрывалась каждая клетка моего тела, содрогался каждый нейрон, вскипала и пузырилась кровь. Тьма застлала мои глаза, пропасть открылась в груди, и сердце падало и падало в эту пропасть, но не могло измерить ее. И еще я пережил одиночество. Одинок космонавт на круговой орбите, спасшийся с затонувшего судна моряк на плоту посреди океана, шахтер в засыпанной штольне. И все же они одиноки не до конца. За космонавтом напряженно следит Земля, потерпевшего крушение ищут суда и самолеты, вокруг обвалившейся шахты толпятся взволнованные люди.

Для меня все исчезло. Меня заставили забыть о людях вообще: и далеких и близких, у меня отняли воспоминания и надежду; лишили всех органов чувств.

Остались только ужас и черная пустота вокруг. Все остальное бесследно исчезло. Я успел лишь подумать, что следующим мигом придет смерть. И как мелка и не страшна была эта мысль в сравнении с непроницаемым ужасом, который со всех сторон заморозил меня!

...Очнулся я уже в Москве в больнице. Мое полное беспомощство продолжалось около двух месяцев. Капитан Женя коротко рассказал мне все остальное.

...Команда, как обычно, наблюдала за нами с борта «Звездочета». О том, что происходит в глубине, никто, конечно, не догадывался. Но меня они видели хорошо. Когда я вдруг резко согнулся и стал медленно уходить на глубину, ребята забеспокоились. Мгновенно спустили шлюпку, в которую прыгнули Модест Николаевич и Витя. Они быстро надели акваланги и запустили мотор.

Модест Николаевич догнал меня на глубине в десять метров. Мои зубы мертвой хваткой зажали загубник, но воздух из баллонов в легкие не поступал. Я не дышал. Пока меня поднимали на «Звездочет» и пытались привести в чувство на палубе, прошло минут двадцать. Женя между тем побывал в трюмном колодце со стеклянным дном. Он тоже видел это. Оно застлало все поле зрения.

Модест Николаевич даже не пытался отыскать Ольгу и Павла Константиновича. Было поздно. Он видел, как медленно погружаются в расселину бурый студень, в котором исчезают парализованные рыбы. Как ни странно, с ним в воде ничего не случилось. Лишь несколько часов спустя у него начался озноб, который быстро перешел в глубокий обморок, продолжавшийся около четырех суток.

Но произошло это уже потом.

Сразу же после того, как меня подняли на палубу, Женя атаковал бурое желе тротиловыми шапками. Он поджигал короткие отрезки огнепроводного шнура и бросал шапки далеко за борт. Потом в иллюминатор колодца можно было

видеть, как медленно затягиваются в бурой массе рваные черные ямы. Она была неразделима. Величественно и равнодушно смыкалась в разрыве. Все так же медленно и непостижимо погрузилась она потом в те бездны, из которых поднялась, на нашу беду.

Вокруг суденышка плавали желто-бурые водоросли саргасы и оглушенные рыбы. Море было по-прежнему неподвижным. Высоко в небе парил одинокий фрегат.

Я не знаю, что это было. И никто не знает. Я рассказал обо всем, что видел и пережил. Остальное — домыслы, игра ума. Но, отталкиваясь только от фактов, мы будем вынуждены признать собственное бессилие. Те немногие явления, свидетелем которых я оказался, не позволяют постичь сущность. Так, кажется, называются эти философские категории? Тут не помогут никакие аналогии — в окружающем нас мире их просто нет. Я столкнулся с качественно иной жизнью, управляемой совершенно другими, непостижимыми пока законами.

И все же есть нечто, от чего можно оттолкнуться. И оно внутри нас. Это ощущение. Мой ужас и непередаваемое одиночество. Порой мне кажется, что только через них мы можем постигнуть душу морского дива. Я не случайно говорю — душу. Вполне вероятно, что оно в какой-то степени разумно. Слишком уж оно необъятно, чтобы жить среди себе подобных... И жить оно должно было очень долго, прежде чем сделаться таким...

Я нанизываю свое ощущение на логическую нить. Даже если посылка неправильна, но дальнейшее рассуждение не противоречит законам логики, мы можем получить любопытный вывод. Вот почему я решаюсь высказать свою точку зрения. Первоначальное обобщение фактов очень далеко от абсолютной истины. Но как оно необходимо для развития идеи! Скрытые в отдельных явлениях противоречия становятся заметными в их сумме. Я лучше, чем кто-либо, сознаю слабости моей схемы. Но другой-то ведь вообще нет...

Мысленно возвращаюсь к первым, как говорится, дням творения. Первичный океан, в котором зародилась жизнь...

Между кооцерватной каплей и живой клеткой лежит пропасть неведомого. Мы не знаем, какие стадии претерпел этот великий переход. Да и не столь уж это важно в данном конкретном случае. Просто я задумался над путями эволюции. По сути, мы знаем лишь один ее путь — совершенствование вида. Для эволюции отдельная особь — ничто, а вид — все. И не случайно! Нужны тысячи существ, чтобы выдержать все мыслимые и немислимые мутации. Пусть останется лишь несколько пар, которые передадут потомству свою удивительную приспособляемость, и вид будет спасен. Это дорога безумного расточительства, расчет на самый худший случай. И потому жизнь на Земле необорима. И все же расточительство не более чем возможный вариант.

Треска мечет миллионы икринок, для того чтобы наверняка вылупились, выросли и дали потомство лишь две рыбы. И это ее верный и единственный козырь в конкурентной борьбе. Расточительность — дань слабости. Так, может быть, мыслим путь экономии и силы?

И я подумал, что в первичном океане эволюция могла идти по двум руслам. Ведь природа исследует все возможности. Что в ней может протекать, то протекает. Наряду с известной нам картиной совершенствования животного мира могло происходить и совершенствование отдельной одинокой особи. Мы не знаем, как из разрозненных клеток возник первый организм. Но тем не менее считаем такой переход само собой разумеющимся. Во всяком случае, он покоится на фундаменте наших знаний и пересмотру вроде бы не подлежит. Но вот сформировался первый организм. А что дальше? Тут мы призываем на помощь идею размножения. Так возникает вид, так начинается совершенствование вида.

Ну, а если где-то в глубинах первичного океана только что сформировавшийся организм не захотел умереть и стал совершенствоваться сам? Возможен такой вариант?

Во всяком случае, он не более уязвим, чем любая из созданных нами моделей происхождения жизни. Не обязательно совершенствоваться в длинной эстафете поколений. Любой из ныне живущих организмов способен к совершенствованию. Увеличьте эту способность в тысячи раз, и вы получите бессмертное существо. Смерть особи — залог бессмертия вида. Когда же особь и вид предстают в едином лице — смерть не нужна. Такое существо не подвластно смерти.

Вот, собственно, и все мои исходные представления о генезисе чудовищного студня. Теперь немного о его психологии. Не надо бояться слов. Наделено оно сознанием или нет, какая, в сущности, разница? Просто нужна первичная схема, в которую бы достаточно непротиворечиво укладывались все известные факты.

Я испытал абсолютное одиночество, и оно заставило меня предположить, что чудовищное существо само абсолютно одиноко.

Но еще я пережил и непередаваемый, какой-то первозданный ужас. Почему же, отталкиваясь от этого ужаса, мне не попытаться обрисовать психологию чудовища, не докопаться до тех корней, которые, собственно, и порождают ужас? Такая попытка не несет в себе ничего порочного, она вполне в духе доэмпирической науки. В конце концов я смотрю на чудовище, как древнегреческий натурфилософ взирал на мир. Мы оба были лишены экспериментальных возможностей.

Каким же должно быть существо, появившееся еще в архейскую эру? Оно не подвластно смерти и не знает врагов. Все для него чужое, и оно чуждо всему живому. В темных и холодных глубинах трудно заметить течение времени. Равнодушное постоянство из века в век окружало чудовище. Ему не ведом страх, зато все живое целенее от ужаса при его приближении.

Это странная жизнь вне времени, без вражды и какой-либо привязанности. В море всегда вдоволь рыбы, и поэтому нет никаких забот. Может быть, нет даже эмоций и желаний. Если за миллионы лет в буром студне и пробудилось сознание, то оно непостижимо для нас, равнодушно и сумеречно. У такого существа не может быть цели, как нет ее у самой природы.

Полное отчуждение, принципиальная невозможность любых контактов. Слишком оно велико, чтобы замечать случайную добычу. Планктон или исполинский кит — для него все едино. Даже понятие добычи неведомо ему. Это всего лишь автоматический, само собой разумеющийся процесс. Здесь не нужны усилия и никаких отступлений от извечного и бесстрастного молчания глубин.

Фантазмагория. Иррациональный лабиринт, в котором мучительно бьется человеческая мысль. Вот откуда этот ледяной ужас.

Помните «Поминки по Финнегану»? Джойс там такого нагородил... Финнегану мерещится в бреду, что он вовсе не урядный дублинец, а легендарный король Марк, преследующий Тристана и Изольду. Чайки носятся над кораблем и кричат: «Три кварка для сэра Марка...» И уже не отличаешь правду от вымысла, не знаешь где кто. Финнеган — это Марк, ты сам — это Финнеган. А тут еще загадочные три кварка. Что может быть страшнее оцепенения беспомощности?

Я не случайно заговорил о трех кварках. Не ради отдаленной аналогии между моими ощущениями и финнегановским бредом. Так случилось, что кварки перекечевали из путаной повести на страницы физических журналов. Сейчас все только о них и говорят. Теоретики считают, что в основе материи лежат, кроме легких, истинно элементарных частиц, три тяжелые частицы с дробным электрическим зарядом. Это и есть кварки. Они неуловимы, как, впрочем, и полагается по их названию. Попробуйте объяснить, что такое кварки? Это непереволимый абсурд. Конечно, дело не в названии. Для нас важно, что они долгое время были неуловимы. Не надо думать, что я отвлекаюсь от сути повествования. Кварки, по крайней мере мне так кажется, играют в нем не последнюю роль. Посему позволю сделать небольшое, но весьма важное отступление.

Считается, что кварки могут рождаться в космических лучах высоких энергий. При столкновении частицы с энергией порядка 10^{11} — 10^{12} электрон-вольт с атомными ядрами верхних слоев атмосферы можно ожидать появления небольшого числа этих самых кварков. Как ни мало этих частиц, но они вот уже миллиарды лет пронизывают атмосферу. За столь длительный период должно было образоваться примерно сто миллиардов кварков на каждый квадратный сантиметр земной поверхности. Спрашивается, куда все они подевались?

Кварк обладает дробным зарядом. А привычные нам частицы либо вовсе не заряжены, либо обладают единичным зарядом. Поэтому кварки нельзя нейтрализовать. Они законсервировались, так сказать, навечно. Но поскольку они все же заряжены, то вокруг них будут конденсироваться водяные пары. Так вместе с образовавшейся капелькой кварк выпадает на землю, а оттуда рано или поздно просачивается в Мировой океан. Чувствуете, к чему я клоню? Примерно за пять миллиардов лет в каждом кубическом километре воды могло накопиться около одного миллиграмма кварков.

Но, к сожалению, и в миллион раз большее их количество

до сих пор не смог обнаружить ни один известный нам метод физико-химического анализа. Слишком уж мала концентрация.

Все это вещи достаточно известные. Но вот недавно я познакомился со списком новых нобелевских лауреатов. Среди них два шведских физика, удостоенных премии за обнаружение частиц с дробным электрическим зарядом. Они выделили эти частицы из океанской воды. Невозможное оказалось возможным. Секрет в том, что шведы брали пробы воды из глубоких впадин. Они предположили, что кварки, как и тяжелая вода, могут концентрироваться в отдельных местах Мирового океана. Конечно, проделали тысячи проб, переработали сотни тонн воды и все такое. Но успех — налицо.

Впрочем, самое захватывающее не в этом. Для меня важно, что кварки обнаружены в пробах, взятых с глубоких впадин Южных морей. Именно тех морей, где недавно водолазы чилийской гидрографической экспедиции встретили то самое чудовище. Описания поразительно сходятся! Можете с ними ознакомиться сами. Сообщения об этом появились в нашей печати. Возьмите хотя бы журнал «Мир науки».

Я не хочу делать никаких выводов, но некоторые сопоставления прямо сами напрашиваются. Что, если бурый студень зародился в тех впадинах абиссали, где была наиболее высокая концентрация кварков?

Это же предполагает совсем иную организацию, схему метаболизма, энергетический баланс. Жизнь на принципиально другой основе.

Так уж случилось, что я столкнулся с этой жизнью лицом к лицу. И между нами прошла смерть.

Равнодушие, которого не может быть без души; беспощадность, которая не существует вне привычных человеку эмоций. Она творит зло, не ведая ни зла, ни добра, сеет ужас, никогда его не испытывая; убивает, не зная смерти. Она одинока, эта жизнь, и не одинока, потому что ей никогда не осознать своего одиночества.

Мы, люди, сильны тем, что нас много. В жизни и смерти каждого из нас источник бессмертия человечества. И то, что мы считаем самым прекрасным и высоким, дано нам потому, что мы смертны. Вот в чем все дело.

А бурый студень — это отброшенный природой вариант, издержки эксперимента.

...Король Марк летит в погону за прекрасной Изольдой. Зеленые белогривые волны вздымают норманнскую ладью. А чайки почти задевают крылом напряженный парус:

Три кварка, три кварка...

Это изначально в человеке. Вот почему он никогда не завидовал бессмертным богам.

